

УТВЕРЖДЕНИЕ РАДОСТИ

Был вечер, похожий на все концертные вечера Аркадия Райкина в его Театре миниатюр: люди, даже много раз слышавшие актера, начали улыбаться еще до того, как он произнес первое слово. От предвкушения смешного. Но тот, за кем прочно утвердилась репутация артиста, умеющего смешить публику до изнеможения, подошел к микрофону, задумчиво взгляделся в лица зрителей и заговорил тихо, серьезно. О чем? О вещах, о которых с эстрады, в привычном для нас смысле, говорить вообще считается «невыигранным». Райкин никого не смешил. Он размышлял — о себе, о своем трудном искусстве сатирика и еще — о зрителях. Как будто здесь, в театральном зале, сошлись не актер и публика, а старые добрые друзья, которые рады поделиться друг с другом чем-то очень личным.

— Сорок лет я выхожу на сцену. Когда я вышел в первый раз, многих из вас еще не было на свете. И я ждал вас здесь до тех пор, пока вы подрастаете настолько, чтобы нам можно было поговорить... В зале стало тихо-тихо,

словно все это множество людей, заполнивших до отказа и партер, и ложи, и даже боковые проходы, превратилось в одного чуткого собеседника. Седой человек на просцениуме, тронутый этой отзывчивостью, откровенно делился тем, что заставляет страдать и радоваться, что наполняет смыслом жизнь актера:

— Вы приходили сюда и ждали от меня слова, которое вызвало бы в вас радость и печаль, но вы всегда ошибались, — у меня не было этого слова. Это слово вы приносили с собой. Время рождало его, и оно рвалось из ваших сердец или робко выглядывало. И если я произносил его, вы улыбались или грустили... Вероятно, искусство — это только искра, которая, подобно электрическому заряду, летит с одного полюса на другой. Когда ее не ждут, когда ей нелегко лететь, — она не вылетит... Электрическая искра летит с минуса на плюс. Плюс — это вы, друзья мои! Сатира взяла на себя функцию минуса, то есть критику отрицательных явлений в нашей жизни. И в этом ее положительное начало. Было бы у нас меньше ми-

нусов, стало бы больше плюсов. Каждый перечеркнутый минус — это плюс!

ПОТОМ, когда закончился монолог, зрители увидели великолепные миниатюры Аркадия Райкина, которые и впрямь необыкновенно комичны, но смех над его персонажами уже не был ни беззаботным, ни бездумным. Актер заинтересованный, сознающий свою причастность ко всему, что происходит в жизни, стремится и в собеседнике-зрителе пробудить добрые силы к активному неприятию зла. Недаром его программы никогда не бываю слышны сатирическими. Миниатюры, интермедии, сценки, исполненные в лирическом ключе, все время возвращают нас к задумчивости. «Приходите, побеседуем» — так и называлась одна из его программ. А другая, самая первая, откровенно призывала: «Не проходите мимо!»

Когда мы встретились для беседы с Аркадием Исааковичем у него дома, нам показалось, что мы просто продолжаем все тот же разговор, начатый несколькими часами раньше в театре.

— Читали? — наш собеседник взял книжку Григория Горина, лежавшую на рабочем столе. — Тонкий сатирик... Готовим с Гориним новую программу. Представьте себе — с экономическим уклоном. Сейчас это сама злободневность. Правда, мы и прежде касались экономических проблем. Помню, была миниатюра, связанная с тем, что в декабре хозяйственники, не стратегившие в течение года отпущенные им средства, готовы были спустить их куда угодно и на что угодно. Однажды на каком-то корабле я увидел в трюме рулоны...

панбархата. «Что это?» — спрашиваю. «Год кончается», — ответили мне. И государственные деньги — в трубу... Мы вытащили подобную ситуацию на сцену. Заговорили о том, как формируется репертуар его театра.

— Некоторым кажется, — грустно улыбнулся Райкин, — что репертуар для нас главное, что нам доставляет удовольствие отыскивать «язывы». Нет, репертуар найти не сложно. Гораздо важнее другое: чтобы исчезла проблема, поднятая нами. Странно? Но нас действительно радует, когда мы перестаем играть какую-нибудь из ходких миниатюр, убедившись, что устарела ее тема. В свое время мне принесли интермедию «Детский сад» — о том, как трудно устроить в него малыша. Хорошая могла получиться сценка. Но когда собрались поставить ее, оказалось, что проблем-то, по существу, уже и нет. Ну, и прекрасно!

«Наша жизнь характерна не недостатками своими, а борьбой с этими недостатками». Эти слова Райкин повторял не раз. Мысль, заключенная в них, объясняет глубокий оптимизм творчества сатирика. Еще со времен Белинского известно, что комедия не может исправить жизнь. Но зато в ее власти создать общественное мнение вокруг той или иной проблемы.

Вспомните резонанс на миниатюру Виктора Ардова, в которой были такие слова: «Мне нужна справка, потому что вам нужна справка, потому что им нужна справка». Пусть сейчас о каком-либо учреждении попробуют сказать то же самое. Все вокруг сразу начнут сме-

яться. Миниатюра стала настолько популярной, что даже истинные бюрократы, боясь поставить себя в глупое положение, пытаются в подобных случаях найти или другую формулу или... выход из положения, чтобы не заставить человека бегать за ненужными бумажками. Это было точное попадание — в яблочко. Чем ближе к жизни проблема, которую мы поднимаем, тем больший отклик она вызывает. Очень важно, чтобы сатирик не был одинок. Ему необходимо постоянно чувствовать поддержку. Когда зрители смеются, они тем самым поддерживают меня. Но в зрительном зале находятся и наши герои — те люди, которых мы высмеиваем. Я вижу их в освещенном зале. Они не кричат во весь голос: «Это обо мне!», они ведут себя умно — молчат. Порой они дают о себе знать после спектакля — пишут письма. Значит, сатира достигла цели.

НАША беседа все время возвращалась к одной и той же теме: о воздействии сатиры на жизнь. И тогда мы задумались вот над чем: к слову «сатирик» всегда прибавляют эпитеты «ядовитый», «злой», «беспощадный». Как будто они — высшая похвала, как будто сатира в самом деле рождается от безжалостного, холодного сердца. Но ведь этого никак не скажешь ни о Райкине, ни о многих других наших сатириках. И было интересно услышать, как понимает сатиру человек, чья творческая судьба целиком связана с этим направлением искусства.

— Природа нашей сатиры — добро. Все делается от добра и во имя добра.

Только добрый человек может быть по-настоящему разгневан по поводу какого-либо отрицательного явления. Злой же — потирает руки, если, конечно, не задевают его лично. В крайнем случае, он будет равнодушен. Но уж никак не гневен. А настоящего доброго человека разозлит и невежда, и какое-то явление, которому не должно быть места в нашем обществе. Поэтому сатирик прежде всего должен быть добрым и честным человеком.

Если бы меня, сатирика, спросили, какой из сыгранных мною персонажей для меня самый дорогой, я бы сказал: тот милый участковый врач, который откликается на любое человеческое горе, и герой из «Истории одной любви» или — из сегодняшней программы — девушка, рассказывающий о своей жизни внуку Юзику.

Есть в сатирическом театре и подлинный положительный герой. Это — смех. Это — актер, который не зубоскалит, а находит единственно верную интонацию, давая свою оценку какому-то печальному в нашей жизни явлению. Наконец, положительный герой — это и зритель, наш партнер и союзник...

Правда, актер редко видит своих зрителей после спектакля. Когда он, сняв грим, идет домой, те, кто аплодировали ему, уже давно разошлись. За всю жизнь у меня было лишь несколько слушателей, когда я уходил из театра вместе со всеми. Об одном таком забавном слушателе я и хочу рассказать напоследок.

Дело было в Одессе, а одесситы, как известно, народ непосредственный. За словом в карман не полезут. Но зато

и шутку умеют ценить, как никто другой... Мы давали спектакль в Зеленом театре. Кажется, то была наша первая программа. По всему было видно — спектакль понравился. И тогда, осмелев, я решил закончить вечер оригинально: не объявляя о конце выступлений, спустился в зрительный зал, прошел по центральному проходу до самого выхода, обернулся и сказал: «Пошли домой!» Все рассмеялись, встали и проводили меня до гостиницы.

На другой день я решил повторить этот финал. И снова все встали и пошли к выходу. Но тут, вижу, вертится передо мной какой-то мальчишка, и вдруг говорит, погрозив мне пальцем: «Товарищ Райкин, а вчерашняя хохма — сегодня уже не хохма»...

— Вот видите, нам никак нельзя пребывать вчерашними шутками, — закончил Аркадий Райкин с прежней серьезностью.

А мы подумали о том, что нужно иметь действительно большой талант, чтобы находить в жизни смешное и утверждать в ней радостное. Он умеет это делать виртуозно.

А. ЕЖЕЛЕВ,
В. НЕВЕЛЬСКИЙ.